

«Память, руководимая волею, память рассудочная и сведения, которые она дает о прошлом, ничего не сохраняют из реального прошлого».

*Марсель Пруст*¹.

Не могу еще представить себе, какое впечатление произведет на вас такое важное известие обо мне: до сих пор я предназначал себя для литературного поприща, принес столько жертв своему неблагодарному кумиру и вдруг становлюсь воином. Быть может, такова особая воля Провидения! ...Умереть с пульей в груди стоит медленной агонии старца; поэтому, если начнется война, клянусь Вам Богом, что везде буду впереди.

*М. Ю. Лермонтов о поступлении в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, из письма к М. А. Лопухиной, октябрь 1832 года*².

Я думал, что буду писать о себе. Оказалось, что намерение это неосуществимо. Тот юноша 18 лет, чьи письма я решил положить в основу своего мемуара, слишком мало похож на меня — восьмидесятилетнего. Развитие пошло по другому пути.

Я давно не перечитывал эти письма, а когда перечитывал, то не особенно вдумывался в их подспудный смысл, а удовлетворялся их сюжетной стороной. И не старался понять, что же хотел сказать — не своим адресатам, а самому себе — этот мальчик, обдумывавший, стоя на посту зимней ночью под ветром с Охотского моря у какого-нибудь полкового склада ГСМ или гарнизонной гауптвахты, «наполеоновские планы».

¹ Пруст М. В сторону Свана. В поисках за утраченным временем. Пер. А. А. Франковского. Л., 1934. С. 50.

² Лермонтов М. Ю. Собр. соч. Т. 4. Л., 1981. С. 375.

Только теперь, читая свои — и в то же время его — письма, я понял, какая странная вещь воспоминания о молодости. (В частности, воспоминания декабристов, с которыми я много имел дело.) Я понял, что это всегда сложное совмещение двух мировидений и невольная попытка подогнать то, дальнее, под свое нынешнее. Это еще и сведение счетов с тем, другим. Насколько точно был выбран курс, направление движения? С точки внешнего психологического сюжета — вполне органично. Иначе как понять постоянные заклинания реальности именами Ницше и Джека Лондона, которые пронизывают письма? (Что, конечно, имея в виду Ницше, не совсем тривиально для человека, окончившего школу через год после смерти Сталина.) Но насколько эта брутальность соответствовала моему — его — предназначению? Что должна была она компенсировать в моем — его — внутреннем устройстве? Теперь подозреваю, что это было некоторым насилием над собственной органикой. Но именно это стало судьбой.

У меня как у воспоминателя есть важное преимущество перед многими мемуаристами — я располагаю доброй сотней армейских писем, которые сохранили мои родители.

Соответствует ли содержание писем реальной армейской жизни тех лет? Не соответствует. Ну, скажем, не совсем соответствует. Я — он — опускал многое, неизбежно сопутствующее армейской специфике. Но я-то все это помню и, соответственно, буду письма комментировать.

Сразу хочу оговориться: в армии того времени не было ничего похожего на то, что потом называли дедовщиной. Было много грубого и жестокого. Но — другого.

То, что я пишу, не история армии пятидесятых годов. Это история интеллигентного, вполне домашнего мальчика, который решил совместить книжный мир, в котором он жил и в который верил, с миром реальным в его предельном выражении. Таковым ему мыслилась армия. Это была полусознанная попытка проверить на практике те жизненные принципы, которые так привлекали его в гипнотическом мире

книг — Ницше, Джек Лондон, Габриэле д'Аннунцио, Штирнер... Великий принцип сочетания изощренного интеллекта и незаурядных физических возможностей — случай Мартина Идена. Трагическая судьба этого героя представлялась нелепым стечением обстоятельств, но и делала его еще привлекательнее.

Короче говоря, это история эксперимента, определившего мою — его — судьбу.

Но сперва небольшое отступление.

Вспомним блестящую формулу Тынянова: «Есть документы парадные, и они врут, как люди»¹.

Идеальный пример такого документа являет мой военный билет.

Если когда-нибудь кому-нибудь пришло бы в голову поинтересоваться моей биографией и он заглянул в мой военный билет, то в графе «Прохождение службы» прочитал бы:

«в/ч 01106 — нормировщик,
в/ч 11225 — нормировщик».

Этот гипотетический исследователь, знакомый с моими автобиографиями и сведениями обо мне в Интернете, встанет в тупик. Отыскав в том же Интернете данные о в/ч 01106, он обнаружит, что это был «отдельный учебный стрелковый полк», готовивший младших командиров для воинских частей Дальнего Востока и Сибири. Главным образом для пехоты, но, как мы увидим, не только. При чем же здесь, скажет озадаченный исследователь, нормировщик? И будет прав. Никаких нормировщиков в этом полку не было и в помине. И как быть с утверждениями его персонажа, что он был курсантом полковой школы, командиром отделения и помкомвзвода в роте саперов-мостостроителей? Персонаж сочинял свою армейскую биографию?

Дело было так. Демобилизовавшись и вернувшись в Ленинград, я отправился в свой военкомат получать военный билет. Звания офицера, который оформлял документы, я не помню,

¹ Тынянов Ю. Как мы пишем / Как мы пишем. Л., 1930. С. 161.

не помню даже — был это офицер или старшина-сверхсрочник. Помню, что мы были вдвоем в кабинете. Он посмотрел мои документы, спросил — как служилось? где служил? (Как я понимаю, в моей солдатской книжке были обозначены номера воинских частей, но не указаны места дислокации.) При этом он, не торопясь, заполнял мой военный билет. Но когда я заглянул в соответствующую графу, то возмутился. Посмотрите, говорил я ему, в солдатской книжке сказано: стрелок-карабинер, стрелок-наводчик ручного пулемета, командир отделения... Нормировщиком я действительно был в в/ч 11225, но отнюдь не все время!

Он терпеливо все это выслушал и спросил: «Ты еще не наслужился?»

Я ответил, что, мол, вроде бы достаточно... «Так вот, — сказал он, — если я напишу тебе — пулеметчик или сапер, то тебя каждые три года будут дергать на сборы. Ты этого хочешь?»

То ли я ему понравился, то ли на него произвела впечатление география моей службы, но он почему-то решил оградить меня от посягательств своего учреждения.

Я не был в восторге от происходившего, но требовать, чтобы он оформлял новый военный билет, у меня духу не хватило. Я махнул рукой и ушел... И в самом деле — меня ни разу не требовали на сборы.

Письма, которые я — он — писал из армии родителям и фрагменты которых намерен представить читателю (оригиналы, надеюсь, будут храниться в моем фонде в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, куда я собираюсь предложить свой архив), письма эти, при всей их сюжетной неполноте, гораздо достовернее официальных документов...

Я точно помню момент, когда понял, что хочу служить в армии. Это было в 1952 году в Литве. Мне было 16 лет. Мой двоюродный дядя, известный вильнюсский врач, снял нам дачу под Вильнюсом в том же доме, где проводила лето его семья. Там были роскошные сосновые леса. Однажды, бродя по лесу,

я стал свидетелем тактических учений стрелкового взвода. Несколько десятков крепких ребят в гимнастерках — в руках винтовки с примкнутыми трехгранными штыками — с бодрым криком «ура!» штурмовали небольшой безлесый холм. Потом они отдыхали, сидя и лежа на траве, веселые, разгоряченные... Вот это жизнь!

Я не любил школу, плохо учился по математике и физике, с трудом вытягивая тройки в четверти и в году. Мысль, что после школы надо будет сдавать экзамены в институт, снова учиться, учиться и учиться, все так же жить в нашей большой коммунальной квартире все той же заурядной жизнью, — приводила меня в глубокое уныние. У меня не было возможности стать матросом, как Мартин Иден, странствовать по тайге, как Арсеньев, чьи книги я тоже любил. Был вариант — стать зоологом, жить в лесу, охотиться. Но для этого опять-таки надо было сперва учиться, учиться и учиться...

Армия казалась единственной возможностью вырваться из этой банальной жизни, недостойной того, кто считал себя учеником Лондона и Ницше. Какой мир являет собой армия — тот давний юноша не имел ни малейшего представления, да и не задумывался об этом. Ясно было, что это мир испытаний, мужской мир...

Окончив школу — успешно провалив экзамен по тригонометрии и, соответственно, получив переэкзаменовку на осень, — я, не откладывая, пошел в военкомат. Однорукий майор-фронтовик (война кончилась всего девять лет назад) был чрезвычайно растроган моим энтузиазмом. Я попросил записать меня в артиллерию. Почему — не знаю.

Призыв, несмотря на переэкзаменовку, лишившую меня возможности подавать документы в институт в обычное время, не был фатальным. Были институты с недобором, куда можно поступить, а потом перейти в другой. Имелись еще какие-то возможности, на которые есть намек в одном из писем, но у меня и в мыслях не было пытаться избежать мобилизации. Я хотел в армию. Очень хотел.

Я сдал тригонометрию в августе. Получил аттестат зрелости. Но не получил военкоматской повестки в первую волну сентябрьского призыва. И снова пошел в военкомат. Меня заверили, что моя очередь скоро наступит. Очевидно, я производил на моего майора несколько странное впечатление. Думаю, что это был единственный случай в его практике, когда парень, явно живущий благополучной жизнью, так рвался в армию.

Теперь наступает очередь писем.

Мы выехали из Ленинграда 14 октября 1954 года. А на следующий день я отправил домой первое письмо.

«Прежде всего я переквалифицировался в бойца бронетанковых войск. И буду теперь танкистом. Меня переквалифицировали еще в казарме. (То есть на сборном пункте в Ленинграде. — Я. Г.) Далее. Куда я еду? Должен предупредить, что сведения ниже следующие получены от сержанта танковых войск, стрелка-водителя Бутенко. Так что сомневаться не приходится. Он наш провожатый и ментор.

Мы едем на Дальний Восток. И не просто на Дальний Восток, а в Сов. Гавань. Сов. Гавань же, насколько я помню из географии, самый восточный пункт СССР. Стоит эта гавань на берегу Тихого океана. В двадцати километрах от границы. Как я еду? Очень мило. В теплушке. В эшелоне таких теплушек десятка три, а народу около двух тысяч. У нас просторно, тридцать три человека и наш сержант. Нары. В три ряда. Две буржуйки и два ящика угля. Одна большая дверь, которую приходится закрывать и открывать всем вагоном, и четыре маленьких окошечка в ладонь (мою).

Ехать будем 25 суток. Вот и все. Привет.

А мне как танкисту дадут большой кожаный шлем и пистолет. Это истина. Сержант сказал. Там уже зима. Лютая. И мне выдадут зимнюю форму. А поедем мы, рабы божии, через Волгу, Ангару, Енисей, Лену, Урал, мимо Амура, по берегу Байкала. Это вам не фунт изюма».